

...В письмах его с фронта так много тепла и подсказок, какими нам надо быть и как любить друг друга и... Родину.

Мой отец, Михаил Павлович Гущеваров, в годы юности строил Кузбасс, работал в шахте до призыва в 1938 году в Красную армию из посёлка Мундыбаш Кемеровской области, окончил полковую школу в Томске и в первый же день войны, оставив в Барабинске, где служил, жену с тремя малыми детьми, отправился на фронт в составе 511-го гаубичного артиллерийского полка 133-й особой стрелковой дивизии, с ним прошёл всю войну от Подмосковья и Москвы до Эльбы и встречи с американцами. До марта 1948 года служил в артиллерийской дивизии в Ратенове (Германия), расквартированной в казармах Паулюса. Окончил в Ленинграде Высшую офицерскую артиллерийскую школу. В 1954 году участвовал в испытании атомной бомбы, будучи командиром дивизиона 234-й отдельной мортирной артиллерийской бригады особой мощности Резерва главного командования страны, вооружённой 211-миллиметровыми мортирами. Их отбили у фашистов, обстреливавших Ленинград, с помощью этих же мортир взяли Кёнигсберг.

Среди боевых наград отца – 12 благодарностей за подписью генералиссимуса, шесть орденов: Отечественной войны, Красного Знамени, Красной Звезды, множество медалей – «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и пр.

Его младший брат – разведчик Пётр Гущеваров 22 лет – скончался от ран в Курске, сумев вывести с важными донесениями своих подчиненных из тыла врага. Вместе с отцом в артиллерийской разведке всю войну прошёл брат его жены Иван Афанасьевич Клименко (22 апреля 1945 года был ранен осколками мины, застрявшими на всю жизнь в языке и гортани, награждён двумя орденами Славы, жил и похоронен в горо-

М. П. Гущеваров, 9 мая 1990 г.

де Калтане Кемеровской области). Пропал без вести в Пинских болотах в декабре 1943 года 18-летний брат жены снайпер Николай Клименко. Погиб в бою при обороне Ленинграда близкий родственник лётчик Георгий Бушуев. Был растерзан бандеровцами дядя жены Василий Михайлович Кривец. Погиб двоюродный брат жены Иван Кривец. После ранений вернулись на костылях с фронта братья Степан Михайлович Кривец да Иван Манаков – родные по линиям тёщи и матери. Таков был «военный урожай» одной его семьи.

Чудом сохранилась часть фронтовых писем «любимой жене Наталье Афанасьевне», поэтичных, проникнутых такой любовью, такой искренней верой в Победу, в непоколебимость «русского богатыря» (взято из его стихотворения «Мсти, русский богатырь!»), что умолчать о них нельзя, потому что в них – сердце солдата той войны, его характер, его суть и лицо командира нашей славной армии.

Сложила письма по датам: так виднее, как мужал и креп в боях защитник Родины. Все написаны убористым, красивым, чётким почерком, хорошо отточенным карандашом, что говорит об особой аккуратности, самоуважении и уважении к адресату. Каждое начинается непременно с обращения: «Здравствуй, Наточка!

Обнимаю я тебя и крепко, крепко целую, целую наших милых деток». Далее имена детей, приветы всем родным и знакомым, но непременно – Мамаше и Папаше, обязательно с большой буквы, тестю и теще, которых искренне почитал и которые очень уважали его, взяли на все годы войны в свой ветхий домишко в Сибири, в Горной Шории, всю семью, в ней трое малолетних – год, три и четыре. И в каждом письме: «...береги себя и детей, жив-здоров, обо мне не беспокойся».

Без его разрешения, конечно, процитирую то, что касается всех нас, что не бесполезно знать о том поколении наших защитников.

17.7.41. Письмо с фронта (*эта приписка потом в каждом письме. – Н. М.*)

...Немец веселит каждую секунду. Прошу обо мне не скучать, не волноваться. Страшного здесь ничего нет. Пока всё хорошо. Нахожусь на Минско-Смоленском направлении.

Воевать нам придётся долго и упорно, но немца мы разобьем и вернемся с победой. В этом будь уверена, сохраняя спокойствие... Положение на фронте значительно улучшилось в нашу пользу. Немец остановлен и, безусловно, будет уничтожен. Будь уверена... мы победим.

Ната, милая, мне, возможно, придётся пробыть в окопах всё лето и зиму. Это нелёгкая жизнь, но она почётная и необходимая... Ты только подумай о тех зверствах, которые творят человеческие изверги над детьми, девушками, жёнами, стариками. Такого варварства не делает ни один зверь, ни одно животное, а только фашисты.

Ната, знала бы ты, как скучно и какая любовь пробуждается, и горит она в сердце к тебе, к детям. Ещё за всю свою жизнь я не испытывал такой. Вот в этой обстановке вырабатывается настоящий человек с высшей нравственностью и моральными качествами. Здесь вырабатывается высшая любовь и ненависть.

Придёт время, когда я вернусь к тебе. Мы снова будем в семейном уюте... Наточка, прошу тебя, пиши чаще письма, пиши каждый день, ибо они очень редко и не все попадают ко мне. Прошу, сфотографируйся с детьми и вышли мне, только побыстрее (*эти просьбы потом в каждом письме. – Н. М.*). Опиши свою жизнь и как ты устроилась.

24.8.41

...Я твой адрес узнал случайно по носовому платку из общей посылки и сразу услал два письма авиапочтой. Пиши чаще... шли авиапочтой, если есть деньги... буду высылать всё до копейки, только живи хорошо и воспитывай детей, люби родину, свой народ, партию, ненавидь врага. Буду жив – встретимся. Будет много интересного, сказочного. Борису расскажи все подробно, пусть он всё-всё знает, пусть помнит, растёт смелым, ничего от него не скрывай. Я хочу, чтобы он вырос таким, как я, даже лучше, смелее, веселее, был твёрд, вынослив и решителен. Я хочу только такого сына и дочерей.

Верю в нашу победу, мы победим.

26.8.41.

...Мне кажется, я от тебя никогда не слышал столь теплых и патриотических слов, как в этом письме. Читаю твое письмо, и те пламенные чувства, которые ты стремишься передать, воодушевляют меня на подвиги во славу Родины.

Я могу тебе обещать никогда не быть трусом. Нигде я не терялся, страху у меня перед смертью нет. Ты это знаешь. Жизнь я свою зря не отдам. Наша задача сначала победить фашизм, и если потребуется отдать жизнь, то отдам её умело и гордо...

Я, Ната, счастлив, что сын рабочего класса, сын партии, счастлив тем, что послан на защиту нашей любимой родины. Я горжусь этим и горжусь тобой как женой, достойной советского командира. Я уверен, что ты воспитаешь наших детей мужественными, стойкими, такими же, как их папа.

19.9.41

...Настроение бодрое, правда, немец его пытается испортить, да пока не удаётся. Бывают случаи, когда почти целые сутки поливает нас из автоматов, засыпает минами и снарядами. Но разве можно сломить волю русского человека, который бьётся во славу родины?! Мы смеёмся над его губительным огнём, потери у нас незначительные. Ну а когда мы начинаем бить, то он бросает всё оружие, боеприпасы нам, поле устилает трупами своих солдат и офицеров и бежит в такой панике, какую не опишешь. Ты не грусти, будь уверена в нашей победе. Немец скоро побежит по всему фронту от натиска Красной Армии, не выдержит и русской зимы.

23.9.41

...Фашистов громим в пух, а они, одичав до безумия, пьяные, лезут, как черви. Прижмёт свой автомат к животу и бежит, строчит, куда попало. Но наша пехота и артиллерия славно рассчитываются. После такой атаки всё поле чернеет трупами немцев.

Ананенко и Ускова представили к ордену Красного Знамени, Белослудова наградят или орденом Ленина, или присвоят звание Героя Советского Союза. Так что всё пока хорошо.

Сегодня мы получили уже третью посылку от рабочих Москвы и других городов. Сколько теплоты и пламенных слов в письмах советских патриотов к нам, защитникам родины, люта я ненависть и злоба кипит в наших сердцах и страшная месть к фашизму.

3.10.41

...Наточка, я сегодня необычайно рад, на рассвете уничтожил две артиллерийских батареи, вчера взорвал склад с боеприпасами противника огнём своих гаубиц и в довершение всего получил 5 писем. Какая все же у военных чудесная жизнь, она полна тревог, страха, любви, ненависти, смеха и веселья, она так разнообразна, что непривычному человеку трудно разобраться и понять глубину её. Немцев мы бьём хорошо.

5.10.41

...Наточка, как я рад, что у нас растут такие скромные, умные дети. От большой радости у меня невольно очи заполняются слезой. Как мне хочется их увидеть, обнять наших крошек! Но не могу. Всё эта гитлеровская свора, а она пока ещё не уничтожена, но настанет время, когда её разобьем... За отличное воспитание детей я тебе обязан многим... Тебе, Ната, спасибо. Я горжусь тобой как женщиной, достойной современного общества. Ната, ты хозяйка. Хочешь, купи корову для детей. Но живи так, чтобы было что покушать и надеть.

28.10.41

...Письма я тебе не писал больше месяца и от тебя не получал, ибо... бились... в лесах и болотах... идут жестокие бои. Снаряды моих гаубиц один за одним уничтожают вражеские пулемёты, миномёты и артиллерийские батареи. Ненависть к врагу каждый день крепнет.

Привет от Ускова, Ананенко, Ревякина, Шмакова. Уткин, Муромцев, Сотан, Хрущёв и другие прорвались на Москву, и связи с ними уже не имеем с полмесяца... Ната, мы бьёмся героически. Честь русского оружия, честь рабочего класса и твою, мой друг, я не опозорю, и если погибну, то героически во славу родины, ибо ты должна ясно представлять: я командир Красной Армии, моя специальность воевать... я учился воевать и считаю это великим почётным делом – биться за свободу.

Наточка, ты, наверное, думаешь, что здесь страшно. Верно, без привычки неудобно немного... Но мы привыкли к шуму моторов авиации и танков, к разрыву гранат, мин и бомб, визгу пуль. Вся эта смертельная музыка стала для нас обычной, как шумовой оркестр в городском саду, с той лишь разницей, что в саду слышны звонкий девичий смех и нежные разговоры влюблённых пар, а здесь громовое красноармейское ура и стоны раненых.

9.11.41

...То обещание, которое я давал тебе, уходя на фронт, я выполняю с честью. Слава обо мне идёт хорошая, можешь гордиться своим фронтовиком.

9 ноября был мой день рождения... исполнилось 24 года. Поздравительные тосты мне преподносил немец из своих миномётов и артиллерии, а я давал им ответные свои да по-русски, да по-праздничному, долго он их будет помнить.

15.12.41

...Наточка, как давно, не помню, сколько времени, я не писал тебе и не получал от тебя ничего. Так сложилась обстановка. Было некогда. Нас из Калинина, когда мы остановили наступление немцев, бросили под Москву, и здесь начался жуткий бой. Мы сдержали немца, опрокинули его, заставили бежать. Он бросает всё: танки, машины, тысячи убитых и раненых и бежит без памяти. Мы преследуем его. В такие жаркие бои разве есть время писать? Я горжусь тем, что умею бить немцев по-советски.

Я представлен к ордену Красного Знамени. Наша дивизия сейчас гвардейская. Мы получаем полуторный оклад... Тебе вышлю аттестат в ближайшие дни. Зарплаты я не получал 2 месяца и выслать тебе не смог.

...Надеюсь, что дадим немцу последний решительный бой, и в январе будет территория очищена полностью, и если останусь жив, то возвращусь с победой...

17.12.41

...30.12 сын Борик именинник, ему исполняется 5 лет. Сделай от меня ему самый лучший подарок, устрой детям новогоднюю елку, самую лучшую. Денег не жалея. Израсходуй сотни три. Но чтобы они повеселились хорошо. Собери ему побольше товарищей.

2.1.42

...Поздравляю тебя с Новым годом... Желаю счастливых и радостных дней.

Хочу тебя обрадовать, что мы немца бьем по всем правилам сибирского обычая, враг бежит. Мы заняли города Калуга и Малоярославец. Успехи наши прекрасные.

8.1.42

...Вчера у меня была большая радость: я вернулся из госпиталя в свою батарею и получил от тебя посылку и два письма, за что сердечно благодарю. Бьемся мы хорошо... Но здоровье у меня подкачало, получилось расстройство центральной нервной системы. Врачи сказали: могут быть плохие последствия... Головная боль может отразиться на зрение или мозг. В госпиталь я попал без сознания... Хотели отправить лечиться вглубь страны, в Новосибирск. Но я отказался и не поехал, а ушёл на передовую. Разве можно сейчас лежать в госпиталях, когда надо гнать немцев? И батарею потерять очень жаль. Я с ней шесть месяцев. Все бойцы знают и верят мне. Мы одержали десятки героических побед.

8.3.42

...Поздравляю тебя с праздником 8 Марта и дочку с днём рождения. Правда, опоздал... Обо мне не скучай. Ничего опасного нет. Просто немного приболел, вот и всё. Я же здоров. Что ещё лучшего желать?

27.3.41

...Немцев бьем хорошо... Жизнь весёлая. Каждый день с немцами: или смотришь, как они умирают, или обороняются, или идут в контратаку, или бьешь их из пулемёта, а иногда и кулаком.

8.4.42

...Скоро 10 месяцев, как я в непрерывных боях, в суровых нервных битвах и боевых походах. Они многое отняли у меня, но зато зарабо-

тали во мне настоящего волевого человека, воспитали к строгости и внимательности, к чуткости и любви, к такой любви, какой ты ещё никогда не знала.

Наточка, как хочется жить, видеть тебя, детей и никогда не расставаться... Я почти каждый раз, когда мне удаётся спать, вижу во сне тебя. Сегодня с тобой ругался. Ты потеряла Лилю. Я требовал, чтобы ты её нашла. Не знаю, чем кончилось, но я проснулся от разорвавшегося снаряда вблизи меня. Так было досадно, что прервал сон.

...Ната, сын Чапаева, Чапаев А. В., служит в нашем полку пом. ком. полка по строевой части. Он майор.

Наточка, у меня сегодня большой праздник, я получил от тебя письмо и от моего отца с Камчатки. Это за 10 месяцев первое. Они живут хорошо. Тебе за письмо большое спасибо... Я легче переживаю свинцовый ливень и артиллерийскую канонаду, чем не получать писем от тебя и скучать о детях.

Я имел свободное время и сфотографировался со своими боевыми товарищами в основном бору и отдельно один... Ната, не обижайся, что строгий взгляд. Во всём виноват немец... побеспокоил нас.

Наточка, 24 апреля исполняется нам с тобой 6 лет совместной жизни. Не знаю, какой он будет, но я прошу тебя, отметь его.

Привет тебе от Ананенко, Иноземцева, Бершадского, Шмакова. Вот и все мои старые боевые друзья. Хрущёва и Хомутова в нашем полку нет, Муромцев ранен, Дорофеев ранен вторично, а остальные в разных местах... Немцев бьем хорошо, гибнут... от нашего артогня и всё же сопротивляются жестоко.

18.4.42

...Наточка, что ты беспокоишься о работе? Разве тебе не хватает средств для жизни? Надеюсь, хватает, и пока я буду жив, тебе будет хватать, ты сумей воспитывать детей достойно, так, чтобы они не обижались на нас с тобой и были полезны нашей родине. Ну а когда меня не будет, сама примешь решение.

Из моих боевых товарищей остались Портянников, Иноземцев, Коваленко, Ананенко и кое-кто ещё. Хрущёв убит, Муромцев ранен, находится в Барабинске, Хомутов в другом полку, Артеменко переведён, Хрущёва работала политруком или в Барабинске, или в Новосибирске, а

про остальных, если буду жив и увидимся, то расскажу. Гриша Саенко был ранен под Москвой, сейчас не знаю, где он.

Нам... нужно, чтобы наши дети росли не в таких условиях, как мы, и вспоминали нас, и мы это сделаем.

Мне очень радостно, что ты поправилась... Я не хотел тебе признаваться, но ты и дети должны знать обо мне всё это подробно. Я был три раза контужен снарядами и миной, чувствовал себя паршиво, был без сознания и даже хуже. Но вылечился. Сейчас жизнерадостен и бодр, такой, каким ты меня знала раньше. У меня хватит сил и знаний, чтобы дойти до Берлина и дальше, так что не беспокойся. Ты должна это прочитать совершенно со спокойным сердцем...

Наточка, как хочется повидаться, хотя бы один день побыть вместе. Сильно скучаю о Борике, Наде, Лиле, и о тебе особенно. Надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся вновь. Какая будет чудесная встреча, сколько радости... Тысячи смертей смотрели в течение 10 месяцев боёв мне в глаза, но пока я брал над ними верх. Не знаю, как дальше... Наточка, прочти письмо Боре.

Борик, мой любимый сын, мой боевой заместитель, тебе я пишу свой наказ.

Я хочу, чтобы ты рос крепким, здоровым и сильным.

Я хочу, чтобы ты был умным, красивым, как твоя мама.

Я хочу, чтобы ты был строгим к себе, уверенным в своих действиях, смелым, сильным волей и со спокойным сердцем, таким, какое у меня. Я хочу, чтобы ты любил свою Родину, свой народ.

Страшно хочется Бориса воспитать мне самому, но не удаётся. У него великий природный талант поэта. Я прошу тебя, Наточка, читай Борису и Наде побольше стихов и разных книжечек. У него прекрасная память.

Обнимаю я тебя и крепко-крепко целую поцелую артиллериста-фронтовика. Твой муж М. Гущеваров.

5.5.42. Зап. фронт.

Л-нт М. Гущеваров.

...Наточка, можешь меня поздравить со званием «Старший лейтенант», присвоенным 18 апреля 1942 г. Воюю в Смоленской области...

Я согласен, чтобы ты купила корову и кабанов, от них – молоко и сало, но я страшно не хочу видеть тебя с лопатой на огороде и чтобы

твои нежные ручки были в мозолях. Я думаю, что ты проживёшь у Папаши, пока я возвращусь, ну а если погибну, ты взрослая, сама примешь решение.

Чуть не забыл, хотя и поздно, поздравляю с 1 Мая. Я не мог поздравить и праздновать, потому что был на одном из заданий.

12.5.42

...Сравнивая свою настоящую жизнь, жизнь непрерывных боевых походов, страшных битв, мокрые, холодные окопы, тёмные прокопчённые махоркой блиндажи, суровые, но уверенные и спокойные лица моих боевых товарищей с твоей нежностью и жизнью, конечно, это большая разница. Но и эта жизнь, и наши скрытые хижинки стали родными... Немцев бьём так, что они не успевают подтягивать резервы.

...Передай привет Журавлёву, он в Сталинске, у жены, отпущен на 6 месяцев лечиться. Съезди к ним. Он, вероятно, помнит бои под Москвой и кое-что расскажет про меня и те боевые дни, о которых писать не хочу, да и нельзя.

30.5.1942

Здравствуй, друг жизни Наточка... Получил от тебя два письма, за что сердечно благодарю. Сколько в этих простых, давно мне знакомых строках таится любви, теплоты и ласки, как эти простые слова давно мне знакомого почерка дышат бодростью и благородством, патриотизмом и той решимостью, которая сейчас необходима и от которой зависит наше будущее...

Да кто же из нас, из артиллеристов, скучный? Это люди особого склада характера, а особенно артразведчики... Ты спрашиваешь о моем любимом Коне (*так у него, с большой буквы. – Н. М.*), его, Наточка, нет, он убит ещё в конце октября под Калинином, с тех пор я не имею коня, который был бы таким любимцем, как мой Раскат. Случилось это так: я тогда ещё командовал батареей, вёл огонь по мин. бат. противника, сидел на крыше одного дома. Немец произвёл огневой налёт, и один снаряд попал в крышу дома, на котором был я, снесло крышу и меня вместе. Через трое суток я стал говорить и слышать. Но в госпиталь не поехал, хотя мне и приказали... Вызвал своего Раската и со своим адъютантом поехал в тыл своей батарее... День был ясный и ничуть не напоминал осень. Я ехал шагом. Конь танцевал какой-то фокстрот. Я мечтал о тебе... Мина разорвалась впереди коня метрах в трёх.

Меня и коня кинуло в сторону. Мне поцарапало ногу и снова сильно оглушило. Коня убило насмерть, ему разорвало грудь. Но эта грудь спасла мне жизнь, осколки застряли в его груди, шее, голове. Адъютант мой остался цел и невредим, он ехал сзади, только воздухом выбило его из седла...

Это была моя первая слеза, пролитая на фронте за моего любимого коня. Я его похоронил на горке, откуда Калинин просматривается хорошо, ибо я часто с этой горы за ним наблюдал. И вторую слезу я пролил, когда моему боевому другу и комиссару моей батареи Грише Саенко ранило глаза. Я довёл его до машины, мы обнялись с ним, поцеловали друг друга. Я хотел ему что-то сказать, но мои глаза залились слезами, горло сдавило, сердце замерло, и он произнёс только два слова: «Миша... Миша...» – и уехал. Я стоял при 40-градусном морозе без шапки, как шальной. Ведь 7 месяцев боёв с ним, каких боёв, которых не описать и не представить...

Наточка, я прошу тебя, сохрани все мои стихи и письма, и когда Боре и Наде исполнится 10, 9 лет, ты им прочитай их, пусть они знают обо мне всё подробно... Жизнь-то наша нечеловеческая, иногда хочется спеть, сплясать и выпить, вспомнить все счастливые веселые дни... Но ты на меня не сердись.

26.7.42

...Передай Мамаше, пусть она не беспокоится о Ване, что он разведчик. Это я знал давно, но не писал Вам по его личной просьбе. Разведчик – это самая почётная работа, он всегда впереди или в тылу у немцев, никто больше его не знает противника, никто больше его не бывает в опасностях, ни в ком нет и не вырабатывается столько воли, бесстрашия, ловкости и смекалки, военной хитрости, ни в ком не собирается столько благородных чувств, как в разведчике, только разведчику доверяется самая почётная и ответственная задача. О его жизни пусть не беспокоятся. Я, начальник, и то бываю чаще от немцев на расстоянии 50–40 метров, а иногда и ближе, но я до сих пор жив, а это уже второй год. Умная пуля не убьёт, а только шальная, а от шальной можно укрыться. Ну, а если погибнем, то не грустите о нас, мы погибнем честно и стойко во имя родины, погибнем гордо, без подхалимства и лжи и уверенные в нашей победе.

...В отношении твоей болезни я очень беспокоюсь... лечись... не жалея денег.

7.8.42

...Как я рад, что здоровье твоё хорошее. Но всё равно ты береги его, я боюсь, что ты с этой проклятой литовкой в горах Шории погубишь себя...

Сегодня познакомился с противником, которого придётся бить... Проклятый, закопался здорово, но наши гаубицы умеют стойких закапывать на месте, а не очень стойких выкидывать и прогонять. Мы применим оба способа.

23.8.42

...На сколько хватает моего ума, такую и даю должность.

В отношении подарков с фронта... я, Ната, не оберлейтенант грабармии и не шкурник, я ст. л-нт РККА, артиллерист, я прежде всего командир и никогда не позволю что-нибудь выслать тебе, не волнуйся об этом. У меня много было золотых часов в одном бою, когда я был впереди пехоты, много оружия, разных костюмов, шёлка и прочей дряни, и пленных, и фотоаппаратов. Но я всё сдал, ибо это принадлежит государству; я ношу часы наши, Кировского завода, ибо я не хочу надевать на себя бандитскую культуру. Мой долг бить врага, и я его бью, я год и 3 месяца в боях и за эти дни ни на шаг нигде не отступил без приказа, я расстрелял до последнего снаряды в батарее, до последнего патрона, из своего пистолета резал потом врага, но не отступал. Со мной были мои бойцы. Они верили мне, и мы побеждали.

13.9.42

...Живу по-старому, блиндажи и окопы заменяют мне квартиру, простыни заменяет сено, одеяло – шинель, которую недавно получил, а ту, в которой выехал на фронт, ещё в декабре разорвало снарядом. Зиму провёл в фуфайке. Надеюсь, и эту зиму выдержу.

Ната, ты, быть может, слушаешь маловеров-паникёров и сама перестала верить в наши силы и в нашу победу, ибо в тылах всегда страшнее, чем на передовой, а мы вот здесь в окопах верим в нашу победу, и мы её добьемся... на Западном фронте мы имеем хорошие успехи. Воевать придётся долго. Но мы победим. Я в этом не сомневаюсь.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Надо ли говорить, что письма эти стоили и сейчас стоят очень многого?! Каждая строчка полна жизни. Он воспитывал и нас ими, и всех, кто слушал их. А слушали все соседи, они приходили к нам, как только появлялась весточка с фронта. Всем был интересен каждый шаг тех, кто воевал. И в этом было наше огромное всеобщее единение.

Жизнь всё-таки подарила отцу, как он и мечтал, возможность увидеть семью. Радость была безгранична. Ему хотелось подарить нам весь мир. Но воспитывал строго, как солдат, требуя, чтобы заботились и во всем уступали тем, у кого отцы сложили головы на фронте. Это приводило и к перекосам, порой нежелательным, но слушаться его не приходило в голову, стало законом. Сумел дать всем надёжное образование и очень гордился этим. А уж родившегося летом 1954 года, когда отправился на испытание той страшной бомбы, второго сына Александра холлил, лелеял и учил строго и по-своему, стараясь

весь свой опыт, все свои знания передать. Теперь газеты и журналы пишут, каких редкостных способностей строитель-проектировщик его сын. Дождался и внуков.

А вот младший брат разведчик Пётр, скончавшийся от ран, полученных в бою, не успел оставить никого после себя. В память о нём родители назвали новорожденного сына снова Петром. Он погиб солдатом на Байконуре, но оставил сына Олега – мастеровитого, как и предки. А сколько ребят погибло на фронте юнцами, не успев оставить после себя никого. Война выжигает племя, не щадит и тех, которые рождаются потом. Как тут не поклониться всем нашим защитникам, которые не щадили себя, не прятались за чужие спины и не пустили врага на родную землю. Как?! Теперь нам выпало их защищать от злостных наветов.

Подготовила Надежда МИРСКАЯ,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России,
заслуженный работник культуры РФ

Бойцы 311-й стрелковой дивизии в немецком городе Альтдам, центре укрепленного плацдарма на правом берегу Одера, захваченного в ходе тяжёлых боев 14–20 марта 1945 года